

Владимир Орлов

Пациент в реанимации

Судьба нераспространения после иракского кризиса.

Россия в Глобальной Политике, №3 июль-сентябрь 2003.

На встрече во французском Эвиане в начале июня 2003 года лидеры «восьмерки» поставили свои подписи под декларацией, которая начинается так: «Распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки представляет растущую опасность для всех нас. Наряду с распространением международного терроризма, оно создает первостепенную угрозу международной безопасности»(1). Выступая по Би-би-си тремя неделями позже, президент Путин расставил приоритеты еще жестче: «Если говорить о главной угрозе XXI века, то я считаю, что это проблема распространения оружия массового уничтожения»(2).

Аналогичные или близкие по духу оценки заложены в доктринальные российские документы – Концепцию внешней политики, Концепцию национальной безопасности и Военную доктрину. Все они приняты еще в 2000-м. Так что в «нераспространенческом приоритете»-2003 нет ничего кардинально нового. Новым является то, что текущий год выдвигает на первый политический план вопросы и сомнения, ранее остававшиеся в тени экспертных дискуссий. По сути, они сводятся к одному большому сомнению: а жизнеспособен ли режим нераспространения в его нынешнем виде, и не требуется ли здесь поработать строительным кранам или, может быть, бульдозерам?

ВОСЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ

Главной преградой «угрозе номер один» призван служить основополагающий документ – Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Этот договор, вступивший в силу в 1970 году, сегодня является почти универсальным по числу участников: весь мир минус четыре государства (3). Кроме того, действуют Конвенция о запрещении химического оружия (1993) и Конвенция о запрещении биологического оружия (1974). В 1996-м заключен (хотя до сих пор не вступил в силу) Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Антарктика и южная часть Тихого океана, Латинская Америка и Карибы, Африка и Юго-Восточная Азия являются зонами, свободными от ядерного оружия. Среди международных организаций, противодействующих распространению, наиболее видную роль играет Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), имеющее почти полувековую историю. Наконец, с нарушителями режима обязан по всей строгости разбираться Совет Безопасности ООН.

Так выглядит нераспространенческая архитектура. По крайней мере, в чертежах. А на практике?

Конечно, само словосочетание «международные договоры» в некоторых столицах сейчас не в моде. Все чаще встречаешь рекомендации о том, что приоритет следует отдавать иным средствам. Прежде всего имеется в виду некий обобщенный «озирак», предполагающий использование силовых превентивных действий против тех, кого подозревают в распространении ОМУ. Так поступил Израиль в 1981 году, когда нанес удар по иракскому исследовательскому реактору «Таммуз-1» в Озиреке. Так же действовали Соединенные Штаты в 1998-м, когда нанесли ракетный удар по объекту в Судане, который, возможно, имел отношение к военной биологической программе Усамы бен Ладена.

Но мода переменчива, а вот практика разочаровывает «обличителей режимов». Она противоречит их утверждениям, что договоры не работают.

На сегодняшний день мы имеем восемь с половиной стран, обладающих ядерным оружием. В их числе пять ядерных государств, признанных таковыми по ДНЯО (США, Великобритания, Франция, Россия и КНР), три государства, которые имеют ядерное оружие и сторонятся ДНЯО (Индия и Пакистан, которые провели ядерные испытания, а также Израиль, чей ядерный арсенал, по некоторым оценкам, сравним с английским или французским (4)), и «половинка» – КНДР. Это государство настолько приблизилось к созданию собственного ядерного оружия, что в момент выхода этого номера в свет мне, возможно, пришлось бы поменять «восемь с половиной» на «девять». И все-таки на данный момент недостаточно информации, чтобы достоверно относить Северную Корею к де-факто ядерным странам (5).

Много это или мало? С точки зрения важности всеобщего и полного ядерного разоружения (а такая цель ставится в статье VI ДНЯО) – слишком много. ДНЯО направлен на постепенное уменьшение числа обладателей ядерного оружия, не говоря уже о сокращении и в конечном итоге ликвидации самого этого оружия. Но если смотреть на вещи реально, то нельзя не признать, что сейчас можно было бы насчитать десятки ядерных стран. Достаточно сказать, что, по приведенным в 1963 году оценкам Пентагона (в ту пору засекреченным), еще до истечения того десятилетия более десяти государств могли обладать ядерным оружием, а также средствами его доставки. Но «почему-то» в разное время свои военные ядерные программы прекратили Австралия и Швейцария, Швеция и Бразилия, Аргентина и Румыния..(6) Добровольно отказалась от уже созданного ею ядерного оружия Южно-Африканская Республика. Белоруссия, Казахстан и Украина согласились вернуть все ядерное оружие со своих территорий в Россию. За последнее десятилетие ДНЯО пополнился многими новыми участниками, среди которых Франция, КНР, Украина, Аргентина, Бразилия, Куба...

Первопричиной, по которой государства отказывались от собственных ядерных амбиций, не всегда был ДНЯО. И все-таки именно этот договор стал тем «якорем», который в конечном счете удерживал государства от политического решения о создании собственного ядерного арсенала, что означало бы подрыв уже сложившегося и работающего режима и привело бы к цепной реакции в соответствующих регионах мира. ДНЯО определил правила игры, высветил преимущества неядерного статуса, а также обеспечил жесткую взаимозависимость государств-участников.

Справедливости ради следует признать: чтобы сосчитать число государств, обладающих другими видами ОМУ – химическим и биологическим, – сегодня уже не хватит пальцев на обеих руках. Это оружие (особенно химическое) проще и дешевле в производстве, оно превращается в «атомную бомбу» для бедных. В то время как Конвенция о запрещении химического оружия предусматривает механизмы контроля для стран-участниц, Конвенция о запрещении биологического оружия пока лишена подобного механизма, и выработка соответствующего протокола застопорилась. Наиболее стремительными темпами растет число государств – членов «ракетного клуба». Здесь наблюдается «вторичное распространение», когда, например, устанавливаются связи между Северной Кореей, Пакистаном и Ираном. Международные договоры не запрещают развитие средств доставки, а «джентльменские договоренности» основных государств – производителей ракетной техники и технологий, известные как режим контроля над ракетной технологией (РКРТ), могут лишь замедлить, но никак не предотвратить развитие ракетных программ в странах, задавшихся такой целью.

И все же пока удается обеспечивать главное: сдерживать распространение наиболее опасного из видов современных вооружений – ядерного.

ЛОВЦЫ ЧЕРНОЙ КОШКИ

Война США и Великобритании против Ирака весной 2003 года сыграла с нераспространенческой архитектурой злую шутку, которая может обернуться настоящей драмой.

С одной стороны, аббревиатура «ОМУ» оказалась в числе наиболее употребляемых в газетном лексиконе, а неказистое и длинное – в других языках так же, как и в русском, – слово «нераспространение» вошло через телевизионные репортажи об Ираке и из Ирака практически в каждый дом. Таким образом, та или иная домохозяйка теперь должна быть обеспокоена такой острейшей проблемой современности, как нераспространение ОМУ.

С другой стороны, «распространение» прочно ассоциируется в массовом сознании с Саддамом Хусейном. И тут возникает заминка: после его свержения и американо-британской оккупации Ирака найти там арсеналы ОМУ никак не удастся (7). Президент Путин, принимая в Москве британского премьера Тони Блэра, как известно, иронизировал по этому поводу, интересуясь, где же спрятался Саддам со своими смертоносными запасами. Можно спорить, насколько уместной была эта ирония в тот момент российско-британского диалога, но Путин точно передал настроения обывателя, причем не только российского, но и в значительно большей степени европейского: американцы и англичане стараются изловить черную кошку в темной комнате, даже если ее там нет. Очевидное развитие этого тезиса: война в Ираке была развязана не ради нераспространения, но борьба с распространением была избрана удобным поводом для начала войны.

Напомню официальные американские и британские оценки иракского ОМУ накануне войны. У Ирака имеется или скоро может появиться ядерное оружие. Ирак пытался импортировать уран и центрифужное оборудование для его обогащения. Ирак восстановил объекты, которые ранее были частью его военной ядерной программы. Биологическая военная программа страны даже более впечатляющая, чем это было накануне войны 1991-го, так как налицо все компоненты для производства тысяч литров сибирской язвы и других видов биологического оружия, способных уничтожить миллионы человек. Имеется, как минимум, семь передвижных заводов по производству этого оружия. Ирак произвел от 100 до 500 тонн химического оружия, у него есть 30 тысяч боеприпасов для доставки химического и биологического оружия (8).

Как выясняется в результате проводимых американскими и британскими законодателями расследований (9), большинство этих сведений либо основывалось на непроверенной и недостоверной информации, либо речь шла о преувеличениях и передержках в угоду политической конъюнктуре или даже о заявлениях, сделанных под давлением политического руководства. Реальность была гораздо скромнее.

Действительно, в течение 1980-х годов саддамовский Ирак активно разрабатывал ядерно-оружейную программу, располагал запасами химического и биологического оружия (а химическое оружие и применял – при молчаливом попустительстве США и СССР – в войне против Ирана), работал над совершенствованием средств доставки. Операция «Буря в пустыне» (1991) и последовавшие инспекции спецкомиссии ООН по контролю за разоружением Ирака (ЮНСКОМ) и МАГАТЭ поставили крест на этих разработках. Военная ядерная программа была демонтирована, в течение 90-х и в начале нынешнего десятилетия заметных попыток ее реанимации не наблюдалось. Саддамовский Ирак проявлял интерес к развитию средств доставки с дальностью свыше 150 км в обход санкций ООН. Иракские эмиссары, в том числе под видом иорданских бизнесменов, разъезжали по Европе, особенно часто посещая Киев, Москву и Бухарест, в расчете приобрести технологии, которые позволили бы повысить дальность и качественные характеристики иракских ракет, включая системы наведения (10). Однако и эти усилия к заметным успехам не привели. Национальные системы экспортного контроля подчас давали сбои, но в целом иракцам помешали. Сложнее обстояло дело с химическим и биологическим оружием. Не стоит удивляться, если все-таки

будут найдены следы небольших количеств химического оружия в Ираке или же доказательства того, что оно было уничтожено незадолго до войны. Вероятно, не прекращались и исследования в области биологического оружия, о чем также, скорее всего, станет известно благодаря иракским ученым, которые сейчас дают показания американцам.

Таким образом, Саддама Хусейна вряд ли стоит изображать как человека, у которого отсутствовал интерес к обладанию ОМУ, – это противоречило бы истине. Точно так же не в ладах с истиной оказалось бы утверждение, согласно которому саддамовские арсеналы ОМУ угрожали миру и, следовательно, война была оправданной. Следуя этой логике, необходимо в срочном порядке нанести удары по нескольким десяткам стран: создавшим свое ОМУ, но остающимся вне международных договоров (как Израиль); находящимся в договорах, но способным в короткие сроки произвести собственное ОМУ (как Япония); расширяющим собственные ракетные программы (как Тайвань). На самом деле никакой логики здесь нет. При чем тут удар по Японии? Звучит абсурдно. Есть только политика, подгоняющая факты под уже избранное направление удара. Надо быть признательным президенту Бушу-младшему за то, что оно очерчено с предельной откровенностью: Ирак – Иран – Северная Корея. Если использовать расширительное толкование, также озвученное Белым домом, то это еще и примкнувшие к «оси зла» Куба, Сирия и Судан.

Сейчас в Вашингтоне и Лондоне законодатели пытаются разобраться, до какой степени сведения о наличии в Ираке ОМУ были «политическим заказом» со стороны Буша и Блэра в адрес своих разведок. Становятся достоянием гласности любопытные данные, свидетельствующие о том, как на авторов справок оказывалось давление, чтобы разрозненная и непроверенная информация подавалась в качестве устрашающих фактов. Выясняется, что такие передержки были характерны не только в отношении «иракского досье». Так, на сотрудника Госдепартамента США оказывалось давление сверху, чтобы он обосновал причисление Кубы к «оси зла», приведя в качестве доказательства наличие там разработок в области биологического оружия, с чем тот никак не мог согласиться просто потому, что факты на сей счет отсутствовали (11).

Нераспространение оказалось крайне удачным «подручным» словом – и средством, – чтобы, произнося его, как заклинание, решать задачи, к нераспространению отношения не имеющие. Результат событий вокруг Ирака: само слово «нераспространение» замусоливается; традиционные механизмы, препятствующие распространению, игнорируются – не потому, что они неэффективны, а потому, что они способны разоблачить подмену; сложившаяся нераспространенческая архитектура умышленно ставится под удар.

Можно сколько угодно кричать «волки!», показывая пальцем в сторону Ирака или Кубы, но угроза распространения ОМУ от этого меньше не станет. Однако способность и готовность международного сообщества реагировать на новые реальные угрозы, чуткость к этим угрозам могут притупиться.

Ирак стал лакмусовой бумажкой для международного сообщества, и прежде всего для Совета Безопасности ООН, который был отстранен от принятия решения Соединенными Штатами и Великобританией. Бывший руководитель спецкомиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям в Ираке (ЮНМОВИК) Ханс Бликс становится объектом шуток со стороны американской администрации. Но ведь, если разобраться, те инспекции, которые проводили МАГАТЭ и ЮНМОВИК в Ираке в предвоенные месяцы, следует рассматривать как успех международного сообщества. Инспекции, осуществлявшиеся ООН согласно резолюции 1441 Совета Безопасности, в целом оказались эффективным механизмом в деле расследования иракских программ оружия массового уничтожения и предотвращения их развития.

Военное решение вопроса, избранное Соединенными Штатами и не санкционированное Советом Безопасности, с использованием нераспространения в качестве прикрытия ставит под вопрос весь режим нераспространения и может привести уже в недалеком будущем к

пересмотру некоторыми ныне неядерными государствами – участниками ДНЯО своей ядерной политики.

Иракский пример является сигналом другим государствам как на Ближнем Востоке, так и вне этого региона: если не терять времени, если не открывать двери международным инспекторам и как можно скорее обзавестись ядерным оружием, то можно застраховать себя от военной акции, ведя вместо этого «торг» с американцами. Нанесением удара по Ираку под знаменем нераспространения Соединенные Штаты не отдалили другие государства от мысли об обладании собственным ОМУ, а, наоборот, как раз подтолкнули их к этому. Сирия, вероятно, лишняя раз убедилась в преимуществе обладания химическими и биологическими арсеналами и, возможно, задумалась о ядерном оружии (что ранее никогда не входило в ее планы). Саудовская Аравия, вместо того чтобы тратить время и ресурсы на многолетнюю программу по созданию собственного ядерного оружия, может склониться к мысли о приобретении его – вместе с командами специалистов – у Пакистана. Размышляя о таких сценариях, некоторые американские военные уже предлагают: не разместить ли ядерное оружие США на саудовской территории в качестве гарантий безопасности для Эр-Рияда и как противовес самой идее саудовцев иметь собственные ядерные арсеналы? Эта идея пока еще вряд ли вышла за пределы нескольких вашингтонских кабинетов, но ее сторонники убеждают себя и других примером – Южной Кореи, где долгое время американское тактическое ядерное оружие обеспечивало интересы безопасности Сеула и при этом вроде бы сдерживало его собственные ядерные амбиции.

Раз уж мы переместились в Восточную Азию, то обратим внимание на то, что здесь цепная реакция может протекать еще быстрее, чем на Ближнем Востоке.

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

КНДР является классическим примером несоблюдения обязательств по ДНЯО. Решение Совета управляющих МАГАТЭ в отношении передачи вопроса о Северной Корее в Совет Безопасности ООН было и своевременным, и корректным. Досадно, что Россия воздержалась при голосовании, а не выступила однозначно «за». В то же время подпись России стоит под эвизанской декларацией «восьмерки», а ее текст по КНДР предельно жесткий: «Программы Северной Кореи по обогащению урана и производству плутония, а также ее неспособность выполнить Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ подрывают режим нераспространения и представляют собой явное нарушение обязательств Северной Кореи. Мы настоятельно призываем Северную Корею открыто, поддающимся проверке образом и окончательно свернуть ее любые возможные программы, направленные на создание ядерного оружия, в качестве основополагающего шага, способствующего достижению всеобъемлющего мирного урегулирования»(12).

Учитывая возможности Северной Кореи в ядерной и ракетной областях, а также закрытость и непредсказуемость ее режима, следует признать, что эта страна является серьезным фактором нестабильности и в Восточной Азии, и в мире в целом.

Тем не менее дипломатическое разрешение ситуации вокруг Северной Кореи представляется вполне вероятным. Оно могло бы быть найдено на многосторонней основе – возможно, сразу на двух уровнях.

При этом первым уровнем стал бы Совет Безопасности ООН. И в качестве начального шага Совбеза должны быть предусмотрены не санкции против Пхеньяна, а указание на возможность их применения в дальнейшем. Единственным препятствием на пути активного и жесткого поведения Совета Безопасности в отношении КНДР является Китай, который продолжает занимать традиционно мягкую, иногда даже поощрительную позицию в

отношении Северной Кореи. Такое поведение в случае принятия им затяжного характера может стать контрпродуктивным.

Второй уровень – это шестисторонний механизм (обе Кореи, США, Китай, Япония и Россия), который мог бы выработать документ пусть и юридически необязательный к исполнению, но включающий в себя два базовых элемента. Во-первых, отказ Северной Кореи от выхода из ДНЯО и ее готовность открыть всю свою территорию для безусловных инспекций МАГАТЭ. Во-вторых, предоставление Соединенными Штатами гарантий безопасности Северной Корее. Эти два элемента должны осуществляться в увязке. В то же время полезно обсудить более широкий пакет, включая энергетическую и экономическую помощь Северной Корее со стороны упомянутых выше государств, а также Европейского союза, и, возможно, некоторые другие вопросы, в частности проблемы ракетного нераспространения. Одновременно с этим или позднее обе Кореи должны подтвердить безъядерный статус полуострова и получить гарантии со стороны ядерных держав.

Россия способна активно участвовать в выработке решений по северокорейскому кризису, если, конечно, ее усилия будут поддержаны Соединенными Штатами, Китаем и Японией. В случае достижения такого соглашения Россия могла бы также принять участие в оказании содействия Северной Корее в энергетической области. Напомню: уже звучало предложение (хотя оно и не было поддержано) о том, что Россия могла бы построить атомную электростанцию в Приморье, недалеко от границы с Северной Кореей, и экспортировать туда российскую энергию.

К сожалению, администрация Буша осознанно взяла курс на исключение России из процесса урегулирования. В Вашингтоне считают: Москва преувеличивает и свое знание происходящего в Северной Корее, и свое влияние на Пхеньян. А вот Пекин, полагают в Вашингтоне, имеет реальные рычаги влияния на Ким Чен Ира. Поэтому весь вопрос в том, как заставить Китай сотрудничать с США по вопросу о КНДР. В связи с этим в Вашингтоне, похоже, решили разыграть «японскую карту».

В последние месяцы в Токио с нарастающей частотой озвучиваются размышления о возможности и даже необходимости пересмотреть безъядерный статус Японии (13). Если политическое решение о создании собственного ядерного оружия будет принято, то технологически и технически для этого понадобятся считанные месяцы (14). В экспертных кругах именно Япония, наряду с КНДР и Ираном, чаще всего причисляется к странам, вплотную подошедшим к созданию ядерного оружия. Другое дело, что в КНДР на этот счет, очевидно, было принято политическое решение, в Иране, скорее всего, нет, а в Японии точно нет. Кроме того, Япония – единственное в мире государство, пострадавшее от ядерных бомбардировок, и антиядерные настроения там сильны и устойчивы. Скорее всего, слухи о японских ядерных амбициях сильно преувеличены и распространяются в первую очередь, чтобы на них обратили внимание в Пекине и вели себя посговорчивее. Аналогичную цель, по крайней мере пока, преследуют и появляющиеся то и дело слухи о возможной реанимации тайваньской военной ядерной программы.

Проблема, однако, в том, что самые красивые сценарии на практике слишком часто дают сбои или порождают побочные эффекты. В данном случае разговоры о «допустимости» создания Японией собственного ядерного оружия в ответ на угрозу из Пхеньяна, вместо того чтобы помочь в решении задачи, способны открыть «ящик Пандоры»: КНДР... Япония... Тайвань... Следом за ними и Южная Корея реанимирует свою военную ядерную программу, заглушенную в 1970-е годы, на что американцы потратили немало усилий. Риск цепной реакции здесь слишком велик.

Ближайшие несколько месяцев станут решающими в вопросе о том, как вести себя международному сообществу в отношении Северной Кореи и ее военной ядерной программы (при этом не так уж и важно, каким образом мы будем оценивать саму эту военную ядерную

программу – как в большей степени имитационную или как реальную). Урегулирование в Северной Корее – это прежде всего поле деятельности для дипломатов. Ни в Вашингтоне, ни где бы то ни было военные акции против Пхеньяна пока не планируются. Но, вероятно, держа в уме Пхеньян, лидеры «восьмерки» в Эвиане записали следующее, перечисляя набор средств для противодействия распространению: «режимы международных договоров; механизмы инспекций... международное сотрудничество и дипломатические усилия; и, в случае необходимости, другие меры, основанные на международном праве... Нам нужно использовать те инструменты, которые эффективны в каждом конкретном случае»(15). Многие считают, что слова о «других мерах» адресованы не только Северной Корее, но и Ирану. Вряд ли. Потому что с Ираном ситуация принципиально иная, нежели с Северной Кореей.

ИРАН

Иран является участником ДНЯО, активным членом МАГАТЭ. Доклад генерального директора МАГАТЭ Мохамеда Эльбарадея по Ирану от 6 июня с. г. 16 можно интерпретировать по-разному. Для меня бесспорны два момента. Первый: ядерная программа Ирана носит более продвинутый характер, чем это считалось прежде. Второй: все перечисленные в докладе нарушения Ираном своих обязательств в рамках МАГАТЭ носят технический характер. Иран в целом идет на сотрудничество с этой организацией, что еще раз подтвердила июльская поездка туда гендиректора МАГАТЭ. Наконец, у нас нет достоверных доказательств того, что в Иране создано или создается ядерное оружие, даже принимая во внимание американские данные, которые, как стало ясно после иракского казуса, наверняка следует «делить на два». Именно поэтому никаких оснований, даже поводов для применения силы против Ирана сейчас нет. Отсутствует информация и относительно существования подобных практических планов, разрабатываемых США (хотя, конечно, общие расчеты такого сценария произведены, в том числе и в Израиле).

Проблема «Иран и нераспространение» сводится к умению правильно выстроить прогноз развития событий на ближайшие три – семь лет. Именно в течение этого периода Иран, если руководство страны примет политическое решение, вероятно, сможет переключить свою амбициозную программу развития мирной атомной энергетики на военные рельсы. Допустить это нельзя. Иран с ядерным оружием (да еще и с современными средствами его доставки) будет представлять угрозу национальной безопасности России и международной стабильности.

С тем, что Иран обладает военной ядерной программой, мало кто спорит. Так, еще в 1993 году в докладе российской внешней разведки признавалось, что в Иране «имеется программа военно-прикладных исследований в ядерной области». Однако, говорилось далее, без внешнего научного и технического содействия появление ядерного оружия у Ирана до 2001-го следует считать маловероятным, а при вложениях в программу порядка полутора миллиардов долларов ежегодно создание ядерного оружия Ираном достижимо не раньше чем к 2003 году (17).

Сегодня, оценивая полученные в последние месяцы новые сведения о продвинутой иранской ядерной программе, мои коллеги по ПИР-Центру делают следующий вывод: одним из объяснений форсирования Ираном программы ядерных технологий может считаться стремление «приобрести технические возможности создания ядерного оружия. В этом случае Иран может пойти достаточно далеко, оставаясь в рамках собственных международных обязательств... Согласно такому сценарию, Тегеран может получить технические и материальные возможности создания ядерного оружия в течение нескольких месяцев, как только в необходимых количествах будут накоплены ядерные материалы оружейного

качества. При этом политическое решение об использовании запасов ядерных материалов для создания ядерного оружия может быть принято при дальнейшем ухудшении ирано-американских отношений и подготовке США к операции по свержению действующего режима в Иране или в результате бомбардировки США или Израилем объектов иранского ядерного комплекса...»(18).

Примечательно, что, даже несмотря на несогласованность действий, зачастую присущую ведомствам, контролирующим ВПК, и периодическое недофинансирование, Иран демонстрирует впечатляющую способность самостоятельно продвигаться к поставленным целям. Так, в первой половине 1990-х Россия отказала Тегерану в строительстве завода по обогащению урана. Сегодня мы обнаруживаем, что Иран и без российской помощи в сравнительно короткие сроки – быстрее, чем можно было бы предположить, – создал такой завод собственными силами.

Но бытующие сейчас утверждения о том, будто Иран непременно сделает выбор в пользу ядерного оружия, отказывают будущим событиям в праве на многовариантность. А между тем в Тегеране еще ничего не предрешено. Еще не поздно выработать систему мер, уменьшающих риск приобретения Ираном ядерного оружия. И главное здесь – ослабить или устранить те стимулы, которые подталкивают Иран к обладанию ОМУ. Парадоксальным образом Соединенные Штаты операцией против Ирака уже ликвидировали один из таких стимулов: главным своим военным противником иранские стратеги считали не Израиль или США, а саддамовский Ирак.

Далее ждет своего ответа вопрос: специально ли в Тегеране поддерживают атмосферу неопределенности вокруг своих намерений, чтобы расширить поле для возможного дальнейшего торга, или же иранцы сами не знают, что им дальше делать? Второй вариант ответа кажется мне более вероятным. В условиях перетягивания каната между группами Хаменеи, Хатами и Рафсанджани иранские элиты пока еще, похоже, не пришли к единому знаменателю – ни относительно направления развития имеющейся мирной ядерной программы, ни о том, как и с кем торговаться (и торговаться ли вообще) по вопросу об отказе от ядерно-оружейных амбиций, а главное – если торговаться, то что требовать взамен?

Если судить по риторике Тегерана, то его главную обеспокоенность вызывает наличие ядерного оружия в Израиле. Политика двойных стандартов США на Ближнем Востоке наиболее рельефно проступает применительно к израильскому ядерному оружию. В то время как Иран причисляют к «оси зла» за одни только – причем недоказанные – намерения, израильский ядерный арсенал почему-то воспринимается как само собой разумеющееся. Конечно, такие двойные стандарты не идут на пользу ни урегулированию на Ближнем Востоке и вокруг него, ни принципам нераспространения. И все же, возможно ли заручиться согласием Ирана, например, на сделку, которая бы замораживание всех мощностей по производству обогащенного топлива в регионе? (В данном случае речь может идти об обмене израильской Димоны на достраивающийся иранский Натанз). Не уверен, что Тегерану это предложение показалось бы заманчивым.

В иранском руководстве есть группы, которые рассчитывают на стратегическое сближение с Соединенными Штатами. Встречный интерес со стороны Вашингтона просматривается хуже, но кое у кого он все же имеется. Обе стороны сейчас занимают максимально жесткие позиции, чтобы потом «снижать ставки», заручившись большим простором для торга и в конечном итоге для компромисса. На сегодняшний день в Тегеране отсутствует единая политика в отношении США, равно как и в Вашингтоне – в отношении Ирана. Это отодвигает возможность торга, но не исключает ее совсем. Если торг начнется, то силы в иранском руководстве, заинтересованные в сближении с США, вряд ли вспомнят про Россию и сотрудничество с ней. Наоборот, нам припомнят непоследовательность (реальную или

мнимую) в вопросах ядерного сотрудничества с Ираном, проволочки со строительством Бушерской АЭС, отказ от ряда других контрактов.

Пока же, судя по ряду признаков, в Тегеране доминирует мнение, что Ирану выгодно долгосрочное стратегическое партнерство с Россией, что выгодно оно и России, – так же прежде всего по геополитическим, а уж затем и экономическим причинам.

Мои собственные впечатления от недавней поездки в Иран приводят к выводу о том, что, несмотря на серьезную борьбу внутри руководства этой страны, там все же преобладают силы, которые стремятся играть по международным правилам. Эти же силы предпринимают все для того, чтобы исключить саму возможность появления в стране ядерного оружия. Напротив, они стараются, чтобы Иран и далее оставался ответственным участником ДНЯО и членом МАГАТЭ. Но в то же самое время нельзя не заметить, что эти влиятельные силы очень амбициозны. Они хотят видеть Иран продолжающим динамично развиваться в технологическом отношении, в том числе и в области мирного освоения атомной энергии. «Прогрессисты» рассчитывают также на то, что такое развитие иранской атомной энергетики (как и других высокотехнологичных направлений) будет происходить параллельно с демократизацией иранского общества.

В этой ситуации у России имеется достаточно широкое поле деятельности для проведения своей внешнеполитической линии. В чем Москва заинтересована? В том, чтобы Иран был стабильным, технологически развитым государством, тесно сотрудничающим с Россией. В отсутствие у Ирана ядерного оружия, других видов ОМУ, чтобы на его территории не находили пристанище международные террористы. И, наконец, в том, чтобы было найдено решение комплексного урегулирования всей ближневосточной ситуации.

В этой связи России не стоило бы прерывать или замораживать атомное сотрудничество с Ираном – как по строительству первого энергоблока на Бушерской АЭС, так и по возможному строительству других (до шести) энергоблоков на территории этой страны. По крайней мере, если у России не появятся прямых свидетельств о создании Ираном собственного ядерного оружия. Во время визита в Великобританию президент Путин, говоря о «близости» позиций Запада и России по Ирану (эта «близость» больше, «чем кажется на первый взгляд»), не случайно добавил: нераспространение не должно становиться лазейкой для нечестной конкуренции на рынках. С аналогичных позиций к вопросу о ядерных программах Ирана подходит, между прочим, и Франция, готовая броситься в конкурентный бой за иранские атомные рынки.

Иное сотрудничество с Ираном в ядерной области (подготовка специалистов, другие возможные проекты и поставки) следовало бы обусловить скорейшим подписанием и ратификацией Ираном Дополнительного протокола МАГАТЭ. Если Иран не собирается создавать собственное ядерное оружие, то для него присоединение к этому протоколу (пусть и сопряженное с некоторым дискомфортом внутриполитического свойства) не должно стать непреодолимой проблемой. Серьезное давление на Иран в этой связи окажет также Европейский союз, прежде всего Германия. России стоит строго придерживаться позиции, ранее обозначенной министром по атомной энергии Александром Румянцевым, о возврате облученного ядерного топлива (ОЯТ) с Бушерской АЭС в Россию 19. Без подписания этого протокола свежее топливо из России в Иран поступать не будет. Было бы разумно подумать и о максимальном сокращении сроков хранения топлива в Иране – в пристанционных бассейнах выдержки; в этом направлении, кстати, работа ведется, и ее следовало бы ускорить.

ТОО «РОССИЯ–США»

Россия заинтересована в безъядерном статусе Ирана не потому, что на нее оказывают давление США и Израиль. Это самостоятельная и вполне внятная позиция, основанная на национальных интересах и представлениях о собственной безопасности.

Другое дело, что на протяжении второй половины 90-х годов, когда «иранский вопрос» был постоянным раздражителем на российско-американских переговорах, Россия зачастую занимала оборонительную позицию.

Отчасти это понятно. Потребовался не один год, чтобы в собственном доме, на сотнях предприятий, разбросанных по всей стране, нами был наведен порядок, налажены эффективная система экспортного контроля на национальном уровне, системы внутрифирменного контроля над экспортом, критическим с точки зрения нераспространения. В период президентства Ельцина механизм выработки и принятия решений функционировал с многочисленными сбоями. В результате иногда выяснялись удивительные факты: то руководитель комитета при правительстве чуть ли не самолично вывозит в Сирию компоненты, необходимые для создания химического оружия (за что и был уволен в 1994-м); то министр подписывает в Тегеране протокол, предусматривающий экспортные поставки, запрещенные российским законодательством (министра чуть было не уволили за это в 1995 году); то уже другой министр помогает научно-исследовательскому институту, которому покровительствует, заключить сомнительный с точки зрения российских норм экспортного контроля контракт с Ираном (за что Генпрокуратура возбуждает уголовное дело по статье 189 – незаконный экспорт).

Список примеров можно было бы продолжить. Но и сказанного достаточно, чтобы понять, насколько российская неразбериха 90-х ослабляла позиции отечественных переговорщиков, вынуждала их становиться в позу «учеников», оправдывающихся перед «учителем» за плохо выученный «урок». Предпринимались и отдельные попытки контрнаступления: например, предъявление директору ФБР при его приезде в Москву фактов, свидетельствующих о том, как и какие американские компании осуществляют незаконные поставки ракетного оборудования в Иран (20), или, уже в мае 2002 года, адресованные Бушу слова Путина о российских озабоченностях относительно американского ракетного сотрудничества с Тайванем (21). Но эти попытки контрнаступления подготовлены были слабо и долгосрочного эффекта не имели.

Сейчас ситуация меняется. Приоритеты нашей внешней политики определены. «Тылы», такие, как система экспортного контроля, в основном прикрыты. Пора активнее проводить российскую политику в области нераспространения ОМУ и средств его доставки. Следует самостоятельно формировать пакет предложений и тем для обсуждения на двусторонних переговорах с США, на встречах «восьмерки». Необходима совместная с США оценка потенциальных угроз. Настало время разобраться наконец с уровнем безопасности ядерного оружия и ядерных материалов в Пакистане – одной из наиболее уязвимых точек на «нераспространенческой» карте мира. Необходимо обсудить те обещания, которые давали американцы (правда, в кулуарах) после бессрочного продления ДНЯО в 1995-м: напряженно работать с Израилем (читай: оказывать давление) по постепенному присоединению этой страны к ДНЯО пусть и путем прохождения нескольких промежуточных этапов. Ждет своей очереди ответ на вопрос о будущем ДВЗЯИ – договора, в котором Россия кровно заинтересована и который «подвис» не по нашей вине. Важен поиск путей к разблокированию Конференции по разоружению, началу работы над конвенциями о запрете производства расщепляющегося материала (ЗПРМ), а также о предотвращении появления ядерного оружия в космосе. В резком диссонансе с ДНЯО, решениями конференции по его рассмотрению 2000 года находится план США по созданию ядерного оружия малой мощности. Эта проблема не менее серьезна, чем ядерное будущее Ирана. Или она Россию не беспокоит?

Вести двусторонний диалог с США, многосторонний диалог в рамках «восьмерки», обсуждения в Совете Безопасности ООН России следует, конечно, не по принципу «пинг-понга». В конце концов, пока во взглядах на нераспространение между Россией и США по-прежнему больше объединяющих моментов, чем разъединяющих. Обе страны ставят угрозы распространения первым номером в числе угроз своей национальной безопасности. Критически важен двусторонний обмен информацией, необходима выработка оценок угроз. Но при всей важности диалога с США России не следует забывать о существующем, но в последние годы явно недоиспользуемом ресурсе – о многосторонней дипломатии, многосторонних механизмах и институтах. И МАГАТЭ, и Конференция по разоружению в Женеве могли бы играть куда более активную и конструктивную роль в снижении рисков распространения. Скепсис относительно их забюрократизированности, неповоротливости известен, и он частично оправдан. Но иракские события наиболее четко продемонстрировали, что именно международные институты могли бы стать альтернативным центром по выработке решений, позволяющих избежать применения силы. Администрации в США приходят и уходят, их приоритеты могут меняться, а международные институты остаются (22).

Остаются и приоритеты нераспространения. Ведь тема «КНДР и нераспространение» – не новая: еще в начале 1980-х годов советские и американские переговорщики, отложив в сторону другие проблемы, осложнявшие отношения между СССР и США в тот период, совместно и плодотворно вели дискуссии, глядя на спутниковые фотографии северокорейских ядерных строек. Тема «Иран и нераспространение» вообще уходит корнями в 1970-е – в шахскую ядерную программу (которую американцы поощряли, но которой и побаивались); иногда вообще кажется, что в Иране планируют свою программу по давним шахским лекалам. Тема «Нераспространение и разоружение» – предмет постоянных дискуссий с момента заключения ДНЯО в 1968 году, и история этого договора помнит здесь немало, казалось бы, тупиковых ситуаций, которые затем все-таки были разрешены путем переговоров.

По существу, единственная новая тема в повестке дня – распространение оружия массового уничтожения и негосударственные игроки. Имеются в виду международные террористические организации и транснациональные преступные сообщества, которые – через какие-либо государства или напрямую – рвутся к обладанию ОМУ. На этой новой и с каждым годом возрастающей угрозе стоило бы сегодня сконцентрировать внимание (23). Она должна стать предметом отдельного анализа.

В 1995 году, сразу после того как на конференции по ДНЯО договор был продлен на вечные времена, один из моих коллег на международном семинаре в Калифорнии красочно обрисовал ситуацию следующим образом: «Операция прошла успешно, пациент жив, но находится в реанимации».

В 2003-м пациент снова оказался в реанимации (если, конечно, он когда-то ее и покидал). Нужна ли ему новая операция? Не думаю. То, что сегодня необходимо пациенту, – это своевременный, методичный прием прописанных ранее лекарств. Звучит скучно. Ни сенсаций, ни революционных слов сложившегося режима. Однако не надо забывать: соблюдение уже установленного режима может оказаться потруднее лихого хирургического вмешательства.

1 Декларация «Группы восьми». Нераспространение оружия массового уничтожения. Эвиан, 1–3 июня 2003 г.

2 BBC Breakfast with Frost Interview with President Putin Broadcast on June 22, 2003. Интервью с президентом Путиным, прозвучавшее в программе «Завтрак с Фростом» британской телерадиокорпорации Би-би-си 22 июня 2003 г. Цит. по: Коммерсант. 2003. 23 июня.

3 Не являются участниками ДНЯО Индия, Израиль и Пакистан. КНДР завершила процедуру выхода из ДНЯО.

4 См., напр.: Малеванный В. «Разведывательное сообщество» Израиля // Независимое военное обозрение. 1998. 15-22 мая. С. 7. В отличие от автора этой статьи я исхожу из того, что Израиль склонен скорее преувеличивать, чем преуменьшать размер своей военной ядерной программы.

5 Среди свежих материалов по Северной Корее отметим сбалансированный и детальный анализ в докладе: Булычёв Г., Воронцов А., Новиков В. В чем суть выбора в «корейском вопросе». Пути преодоления кризиса на Корейском полуострове. М., 2003. Оценки степени продвинутости военной ядерной программы КНДР см. также в: Евстафьев Д. Ядерный кризис на Корейском полуострове: возможные сценарии развития // Ядерный Контроль. Лето 2003. № 2 (68). С. 131–138; Он же. Региональные особенности международного режима ядерного нераспространения см. в кн.: Ядерное нераспространение. М.: ПИР-Центр, 2002. Т. 1. С. 196–199;

Cirincione J. et al. Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction. Carnegie Endowment, 2002. Pp. 241–254

6 Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. М.: Наука, 1999. С. 172; см. также С. 137–161.

7 Cirincione J. Can Preventive War Cure Proliferation? // Proliferation Brief. Vol. 6. № 12 (<http://www.ceip.org/files/nonprolif/templates/Publications.asp?p=8&PublicationID=1308>).

8 Ibid.; Iraq's Weapons of Mass Destruction. The Assessment of the British Government. September 2002 (www.pm.gov.uk). Куда более элегантно поступил Международный институт стратегических исследований, чьи выводы можно трактовать как в пользу наличия в Ираке ОМУ, так и в пользу тех сдержанных выводов, к которым позднее пришел ЮНМОВИК и которые представляются автору обоснованными: Iraq's Weapons of Mass Destruction. A Net Assessment. An IISS Strategic Dossier. 2002. September 9.

9 См., напр.: Risen J. and Jehl D. Expert Said to Tell Legislators He Was Pressed to Distort Some Evidence // New York Times. 2003. June 25.

10 См., напр.: Orlov V., Potter W. C. The Mystery Of The Sunken Gyros // The Bulletin of the Atomic Scientists. 1998 Nov./Dec.; Орлов В.А. Ирак: охота за российскими ракетными компонентами и технологиями (1993–1995) // В сборнике: Экспортный контроль в России: политика и практика. М.: ПИР-Центр, 2000. С. 143–156

11 Risen J. and Jehl D. Expert Said to Tell Legislators He Was Pressed to Distort Some Evidence // New York Times. 2003. June 25.

12 Декларация «Группы восьми». Нераспространение оружия массового уничтожения. Эвиан, 1–3 июня 2003 г., С. 1

13 Кажется не случайным, что 20 февраля с.г. газета «Асахи» опубликовала материалы закрытого доклада Управления обороны страны. По данным газеты, это ведомство вместе с командованием вооруженных сил по указанию руководства еще в 1995 году рассматривало вопрос о целесообразности создания в Японии собственного ядерного оружия в качестве меры противодействия военному потенциалу КНДР.

14 См.: Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. Доклад СВР России, 1995, С. 68–70; Ядерное нераспространение, Т. 1, С. 200

15 Декларация «Группы восьми». Нераспространение оружия массового уничтожения. Эвиан, 1–3 июня 2003 г. С. 1.

16 IAEA Board of Governors. Implementation of the NPT safeguards in the Islamic Republic of Iran / Report by the Director General. GOV/2003/40. 2003. 6 June.

17 Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения // Служба внешней разведки России. М., 1993.

18 Лата В.Ф., Хлопков А.В. Иран: ракетно-ядерная загадка для России // Ядерный Контроль. Лето 2003. № 2 (68). С. 45.

19 Там же, С. 52

20 Кириллин М. Несколько американских фирм, занимающихся разработкой ракетной техники, связаны с иранцами // Ядерный Контроль. 1998. № 2 (38). С. 37–43.

21 См.: Новые Известия. 2002. 25 мая. С. 1.

22 Если посмотреть, к примеру, на подходы Коалиции за новую повестку дня – неформального объединения таких государств, как Швеция и Египет, Новая Зеландия и Ирландия, Мексика и Бразилия, – то они скорее совпадают с российскими, чем противоречат им. При известном усилии и активном диалоге мы здесь можем иметь серьезных партнеров по решению собственных долгосрочных задач безопасности. Также следовало бы обратить пристальное внимание на недавнюю женевскую инициативу послов Чили, Алжира и ряда других государств по выводу из кризиса Конференции по разоружению.

23 Подробнее об этой угрозе см.: Супертерроризм: новый вызов нового века // Под общей редакцией Федорова А.В. М.: Права Человека, 2002. С. 60–79. Orlov V. Gray Zones: This is Where the Threat to the Nonproliferation Regime Comes from // Yaderny Kontrol. 2002. Vol. 7. № 4. P. 4–8.